

# НАРОДНЫЙ СКАЗ

В 1937 году после смерти Алексея Максимовича в журнале «Колхозник» был опубликован «Сказ о Горьком», в котором суммировалась и получила окончательную редакцию легенда о жизни Максима Горького.

**П**ОЧЕМУ этот человек назван Горьким? Потому что его слово царям было горько, и они Алексея горькой смертью страшили. Потому что он с горестью жизнь начинал, прискорбным путем ходил, поленный хлеб ел, горькую воду пил.

Был бедных людей рода и колена. Не в радости зачался и родился. Мать Алексея приносила, горше чаши морской возопила: на великое ты терпенье устал!

Горького бабушка растила. Первые шанежки вынет, завернет, Алеше тащит: ешь, дитя, чтобы тебя не увидели. Он на улку выбежит, всем ребятам даст шанежки откусить.

Бабушка пьет чай. Он скажет: — Ты уже чашечек пятацать выпила! — Полно ты! Я тихо пью!

В робятах был задумчивый такой. Рано книги пытать залюбил. Люди смолоду наряжать да дичать, он учиться самоуком да писать.

Бабушки не стало, внаймы пошел. Ест квашенные поскребки, спит на голом полу с собаками. Рубаха в заплатках, колени наружу, портянки не стирают, рукавицы розны, пальцы отмерзли, подошвы отпали. Все не по своей воле, все не по времени юности.

Могута была смолоду надсажена, жили вытануты, а он не любил стонать, мужески терпел. От нужды убежал, от болезни не мог уехать. Горький смолоду зачал о рабочем человеке радеть да промышлять, смолоду встал на царя смело и небоязненно. Другой бы в книгу за справкой, Горький все давно знает наизусть. Он смала что узнал, то навек. У кого такой памяти нет, дак уж не вложись.

Народ говорит: коль парень мудрой, весь день проговорит напамять... Царя толкует, что не надо... Разве этакой жорнов ступодый сразу спихнешь?! Горький не велит бояться.

— Не запугивайтесь! Что вы теперь не на управлении, и то теперь до времени. Придет пора, ударит и час! Горькому верят, он сам

горя хлебнул. Тут власть зашевелилась: Горький крамолиться на царя. Орла государственного змеет двоголавым зовет. Стали дозировать пути, которыми Горький ходит, велики таких по городам имать.

Он от многие беды побегал на западные страны, как пчела от дыму, улетел. В России жить — надо замок висячий на губы. Горькому молчать негоже. Ушел невесел, кручинноват: вернись, когда время позовет.

Из страны в страну, из города в город ходил до старого Рима... Тут море солоное; подворье поставил на острове, и пальмы вокруг него. Тут жил — умом на родине летал. Телом далеко сидел — разумом с нами. Жил в чужом языке — дорожил русской речью.

Питался от книг. Писал, чтобы не смущался трудовой народ и врагу не верил. Раз в неделю пароход придет, письма привезет да книги увезет. Тех держав начальники поставили негласно охрану, чтобы Горький с рабочими людьми не сходил и сам бы в смуту не пришел. А буржуазии невозбранно было увещевать пришельцев к своей прелести.

Но, услышав колкие ответы, она отходит с удивлением. Слава Горького далеко носилась. Царь послов посылает: похвали нашу державу, тогда отпустим все грубости, пожалуйем чином и деньгами. Горький послов с надворья спровадил, ни на очи не пустил.

— Подите, да опять ко мне с глупыми разговорами не ездите... Живет, свое дело правит. А уж гортань пересохла в черных ветрах от дум да печалей. Тут день за днем — как трава растет, гол за голодом — как дождь идет.

В Северной земле стало не по-прежнему. Ленин да Сталин доспели пир на весь мир. Бежат люди к Москве, как дети в материнскую пазуху. Там будет пир — столование. Пошел стол навесело. Зачали гости хвастаться. Ремесленные люди — своим трудом, чернопахотны крестьяне — урожаями, рыболовы хвастают промыслом, ученые люди — науками, корабельщики — дальним плаванием. Товарищ Сталин их выслушивает, влодь по лавицам высматривает: у меня от всякого колена люди сованы, от всякого ремесла гости собраны, только не вижу за

столом Максима Горького. Я новых друзей наживаю, а старых не утрачиваю. Ему отвечают: носится та слава, что живет Горький на путешествии в жаркие страны. Поставил подворье на острове, тут море солоное, и пальмы вокруг него. Тихий ветер веет. Сталин говорит:

— Подайте мне лист и чернила.

«У нас не по-старому, у нас не по-прежнему: на деревьях начал лист размываться. Теперь громко стало, теперь не молчит никому. Тут и вас нало...» Сталин скоро пишет, скорее того запечатывает. Посылает гонцов до Максима Горького. Сказывать скоро — тити долго. Шли, до край моря дошли. Тут заправный пароход дожидается. Красны флаги подняли, плыли семь дней. Завидели остров и подворье каменное, и человек под деревом стоит. Горький вышел смотреть, которого царства пароход пришел и которого племени люди. Беспечное письмо скоро распечатывает, скорее того прочитывает. Сталина руку узнал, сладко принял. Был блеклой, одним часом сделался румяной. Садит гонцов за стол, поит, кормит, спрашивает:

Видел я небо четыре года тучами покрыто, как досками заколочено.

Гонцы говорят:

— То германская война.

— Видел звезду на Севере сияющую, пять лучей испускающую великих.

— То наши Советы посреди держав, как в небе звезды. Горький говорит:

— А в здешних краях у богатых мыши с голуду опули, а народ с голуду мрет... Я вас все ждал, на дороге стоял. Каждый день про вас думал, устал порато. Тут заходит на пароход, побегали в Советы. Остров опустел, подворье пало, пальмы повали.

Царская власть Горького не любила, чести ему не дала. Вожь народов сам на пристань вышел поздороваться. От его голоса на море волны встали и корабли зачали... Тут дела идут, как гусли гулут. У большой семьи много и работы. Горький за людьми, как саловник за садом, ходил. Молодежь любил: молодые все с радостью делают. О, как он ждал



Горький с внучками. 1932 год.

людьми, которые к свету-то рвались! Словом и делом пособлял; не то что нукал да лкал. Не льстил, не потакивал: скажет, как в сердце тебе впишет: — Вся земля наша сердцем весела. У нас всяк над своим делом радуется. Сталин человека на высокую стелю поднимает. Вся страна чести себе добывает. На Сталина глядите, навыйкайте от него... Беда там, где печаль и тшеславие. Беда тем, кто ветры пает и за тенью бегает... Прежде горе было малограмотным. На веку-то много вытерпят, а выказаться некак. Так землей и запалет. Много острых умом беспамятно умерло. Горький таким списывать жизнь велел. Баб книги писать застав-

лял. Баба мученица, пой теперь да говори, пой да говори! Высказывай сердце свое. Не тужи, что грамотой недовольна: читатели сами добавят... У Горького была шедрая рука, для всех открыта. Как не было денег — не срамился, стали деньги — не хоронился. Делится любовно, дарил с пространством сердца. Целый день на всех стол да скатерть. Другие жмут кошелек, деньги есть, дак каждую копейку под свой палец подгибают. Горький не едал, не пивал один. Откуда идет — ребята со всех дворов за конфетами. Куда поедет — ребят все с версту подвезет. Горький возрастом был велик, сух телом; брови нахмурит... Подумаешь: медведь ста-

рик-от... А из глаз — как зори утренние! Взор острый, разум быстрый. Годы проходят, как гуси пролетают. Сколько дел исполнено, вдвое-втрое задумано. Горькому недосуг умирать! Но тише вешней воды, тише шелковой травы приходит смерть, и Горький с белым светом прошался: Прости, Иосиф Виссарионович, с твоима товарищами. Прости, рабочий народ, с заводами ремеслами. Простите крестьяне, с полями, лесами. Прости, Мать-Сыра-Земля И все на тебе живущие...

Публикация Ольги Егосиной

Павел Железнов

## ГОРЬКОВСКОЕ ДОВЕРИЕ

Как говорил курносый грек по кличке «Сократ» в Одессе: «Сразу меняется человек только в халтурной пьесе!»... Я жил под Москвой в трудкоммуне: слесарил плел рифмы...

Но, как Мефистофель, вертелся вокруг меня один парень; «Махнем, браток, в Севастополь». А тут стихи мне вернул журнал, и с девушкой-комсомолкой, которой с любовью их посвящал, произошла размолвка. Так иль этак, в разгаре лета, поддался я рыжему бесу. Выпили. Спорили до рассвета. И — махнули в Одессу. Одесса. Судами заставленный порт. Лебедки, громоздкие краны. Одесса. Прославленный город-курорт. Песчаные пляжи, лиманы... Забыв, что есть другие края, завив веревочкой горе, по знаменитой лестнице я спускался однажды к морю. С биржи труда я шел домой, точней — к ночлежному дому, и повстречался случайно со мной студент, московский знакомый. К родным приехавший одессит, с холу мне руку сунув, громко, по южной привычке, кричит: «Давно ли из трудкоммун?» Знаешь, Горький тебя похвалил! Слух илет по столице. Поэтом станешь большим, говорил, если будешь учиться!» Прошайся, расцвел улыбкой доброй: «В классики выходи!» А под моей брезентовой робой наган дремал на груди. Друзья по ночлежкам и притонам

# «МАКСИМ ГОРЬКИЙ»

## ИЗ ПОЭМЫ-ВОСПОМИНАНИЯ

Павел Ильич Железнов (1907-1987) — бесппризорник, воспитанник Болшевской трудовой коммуны. В 1929-1929 гг. работал на заводе. Печататься начал в 1928 г. На его стихи о трудной жизни вне дома и семьи обратил внимание М. Горький. Он помог Павлу Железнову поступить в университет (окончил в 1934-м). Опубликовал несколько книг-стихов, «поэмы — воспоминания» «Максим Горький» (1955), «Владимир Маяковский» (1947). Участник Великой Отечественной войны.

на «дело» позвали меня. Наган этот грузом многогонным на сердце лег третьег дня. Слышу издали: «Вспомним там... В столице... Одессу-маму!» Взглянул на часы. Побегал на почтаме и Горькому дал телеграмму. Потом на Пересыпь, как пьяный, побрел, отказался от «дела» и вместе с наганом бросил на стол квитанции листик белый. Хозяин шалмана, одесский грек, опуший от частых оргий, на листик скосясь из-под бронзовых век, прочел с уважением: «Го-орький!» И дрогнула вдруг пропойцы душа, смягчились лица черты: «Я же лично знал Челкаша... Или не веришь ты?» Когда, навек расставаясь с ним, я покидал притон: «Чудак, ты же мог стать жиганом большим», — сказал с огорчением он... Одесса сняла в зеленом венце, блестя морские дали... В Москве на пыльном Бульварном кольце деревья уже увядали. ...В ответ на мой телефонный звонок велел мне явиться Горький. Я думал, спеша к нему со всех ног: «Не обойтись без проборки». В гремящем готовился к встрече: «Покаюсь... Таков мой удел...» Но Горький и слушать не стал моей речи. «Учиться пойдешь!» —

Я повторял: «Это было ошибкой... Это в последний раз...» А он рукой отмахнулся с улыбкой: «Давай-ка без лишних фраз. В журнале с тобой поступили грубо? Стихи вернули назад? Заданье даю — сколоти литгруппу из бывших лихих ребят. О вашем прошлом сами и настоящем книгу создайте. Если получится подходитье — выпустим в Госиздате». ...Он знал, что шла моя юность вчера сквозь выстрелы и свистки, но твердо верил: зерна добра дадут непременно ростки. Не наставлял он меня, не прощал. Но помню, выйдя за двери, я сам себе оправдать обещал горьковское доверие.

«ЭГОИСТ»

С помощью Горького я поступил на литфак МГУ. Но вскоре заныл: «Нет моих сил!» Студентом быть не могу! Пухнет от книг моя голова, наверно, читать мне вредно!» Горький ответил на эти слова с улыбкою чуть приметной: «Ручаюсь, опухоль пройдет, а знания сохранятся! Пойми, по тем, кто идет вперед, другие будут равняться». И — чтоб не сорвался я с пути

к седым вершинам культуры, — велел немедленно сколотить литгруппу из бывших уроков. В эту литгруппу вошел мой друг, поэт Муравьев Георгий. Поверив, что он стремится к добру, помог ему щедро Горький. Помощь понадобилась вновь Георгию знойным летом. Привратник буркнул: «Сюда Железнов ходит от вас полпредом». Георгий был из ростовских «жор», при этом парень горячий: «Нельзя в ворота? Так через забор заберусь на дачу!» Забрался. И с Горьким поговорил. Сам Горький «мало-мало». Привратнику его до ворот проводил. При мне шла об этом в Горках речь, и кто-то заметил резко, что Горький все же должен беречь время свое и средства, что он-де забросил свои дела, забыл о своем таланте... Горький встал из-за стола и басом сказал: «Отстаньте!.. Когда в преферанс играем иль в вист, мы время и средства тратим... А помощь людям? Так я ж эгоист! Мне нравится помогать им!» Сейчас, вспомяна на склоне лет, с каким говорил он пылом, мечтаю: побольше бы на земле таких «эгоистов» было!

## БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

Помню глаза его голубые, висков подстриженных никель. Когда я был у него, впервые, он дал мне не только книги.

Помню, когда я, книги забрав, хотел уже уходить, он удержал меня за рукав: «Куда спешить? Погоди... жив человек, — согласен я с изречением, но убедился за долгий свой век: и не единым ученьем!» Хочу, кроме книг, кое-что тебе дать... И... пачку червонцев кладет. Я суммы такой заработать тогда не смог бы за целый год. Мне б эти деньги взять и сказать ему от души: «Спасибо!» А я бормочу, опустив глаза: «Зачем, Алексей Максимыч!..» Мнусь, будто на углях горячих стою. А он говорит: «Возьми! Ведь я не в подарок тебе даю, взаимы их даю, пойми!» Отдашь потом... «Не скоро найду возможность вам их отдать». Он улыбается: «Что ж, положу». А я не беру опять. Но он все мысли мои прочел, понял меня без слов и руку мне положил на плечо: «Послушай-ка, Железнов, давай условие заключим: иди работай, учись. Помни: книги — это ключи, что дверь открывают в жизнь... Конечно, надо платить долги. Так вот... в ученье, в работе кому-нибудь в будущем помоги — и в полном будем расчете!»